Текст · 5 августа 2022, 09:52
Анна Павлова,

«Боевые буряты» не хотят воевать. Отказаться от участия во вторжении в Украину стало почти невозможно — пример солдат из одного региона

С началом вторжения в Украину в медиа и соцсетях снова появился пропагандистский миф о «боевых бурятах», которые якобы готовы проливать свою кровь и убивать за Путина. Бурятия и Забайкальский край почти сразу оказались среди регионов с самым большим числом погибших военнослужащих. И, видимо, среди регионов с самым высоким числом отказников: за первые месяцы вторжения уже сотни военных оттуда отказались воевать и вернулись из Украины. Но сегодня сделать это почти невозможно — отказников просто не выпускают, вывозят в лагеря и «ямы» под Луганском, где их сторожат боевики из «ЧВК Вагнера». Многим приходится вернуться на фронт. Как это происходит, «Медиазона» рассказывает на примере солдат из одного региона — Бурятии.

«А чего бояться?» — смеется контрактник Лубсан Тугулов[1] из Бурятии, отвечая на вопрос о том, не страшно ли ему, что за отказ воевать в Украине его отправят в изолятор в Луганске. И добавляет уже более серьезным тоном: «Лучше живым остаться».

С 2019 года Лубсан служит в 11-й отдельной гвардейской десантно-штурмовой бригаде, базирующейся в Улан-Удэ. В январе бригаду отправили на учения в Крым, а 24 февраля на вертолетах перебросили в Херсонскую область — ее

российским военным удалось взять под контроль в самом начале войны. После этого, говорит Лубсан, им поставили задачу захватить другой областной центр, Николаев, но там они понесли серьезные потери, по подсчетам солдата, около половины его батальона[2]

было убито или ранено.

«Потому что нету связи, нету помощи, нет авиации, нету артиллерии, — объясняет он. — Просто пехоту изначально закидывают на расстрел, а потом работает авиация и артиллерия. И все, пехота наша гибнет».

В июле Лубсан Тугулов и больше 70[3] его сослуживцев решили вернуться домой и написали рапорты, отказавшись от участия в боевых действиях. Командование в ответ пригрозило отправить всех в СИЗО Луганска. Лубсан рассказывает, что в марте во время боев под Николаевом отморозил пальцы на ноге, получил контузию, у него постоянные боли в спине и голове, но отпускать его все равно не хотят.

«Как мне сказали, нас не выводят из-за того, что мы уже прожженные, что мы уже были под обстрелами, под всякими гаубицами: "А сейчас, если мы вас поменяем, новые придут, и они будут бояться"», — пересказывает он доводы командования.

Если бы он решил вернуться раньше, признает военный, проблем бы с этим не возникло. «Их сразу вывели, мол, езжайте домой, мальчики», — рассказывает он о сослуживцах из Бурятии, отказавшихся воевать еще несколько месяцев назад.

Весной отказникам угрожали, их запугивали и уговаривали остаться, но все-таки отпускали обратно. К середине лета ситуация изменилась, и сейчас, судя по рассказам солдат, вернуться с войны почти невозможно.

Апрель. Наручники перед строем и возвращение домой

«Вот буряты за "русский мир" какой-то, да? Едем защищать русский язык от украинцев. Хотя, я так понимаю, у них там проблем-то нету, в принципе. Это при том, что я был в разных городах, в том числе в Москве, и с темой расизма сталкивался. Против каких-то фашистов воевать этих мифических, когда и в России свои проблемы есть с теми же фашистами?» — 32-летний Батор Дамбиев[4] из Улан-Удэ объясняет, почему отказался воевать.

Четыре года он служил по контракту в 5-й отдельной гвардейской танковой бригаде[5]. В январе бурятских танкистов отправили на учения в Беларусь, а потом перебросили в Киевскую область — об этом им сообщили за два дня до начала вторжения.

«Не верил никто: в XXI веке какая война? Я думал, что это просто демонстрация силы и что руководство России как бы показывает свои мускулы вероятному противнику, — говорит Дамбиев. — Все ожидали крымский сценарий, как в 2014 году. Но опять-таки, видите, это же армия, все идут — и я пойду. Я что, буду один оставаться, подразделение что подумает обо мне?».

По словам Дамбиева, были военные, которые сразу написали рапорты об отказе переходить границу. Их оставили на охране имущества в лагере в Беларуси и во вторжении они не участвовали.

«Прямо писали рапорта, что отказываются переходить ленточку, потому что мало ли что там будет, в таком духе. То есть, видимо, они оказались самые такие проницательные. Если забегать вперед, то их уволили», — говорит он.

В начале марта бурятские военные подошли к селу в 15 километрах от окраин Киева и «там стояли месяц под обстрелом». К тому времени, говорит Дамбиев, в его подразделении уже не осталось половины техники: часть была уничтожена, часть просто сломалась. По словам военного, в этом поселке не оставалось мирных жителей, они встретили только одну семью с маленькими детьми. Мать, вспоминает он, была напугана и все время плакала, когда они пришли к ним в дом с проверкой.

Дамбиев признает, что в селе военные мародерствовали: забирали из домов еду и вещи, чтобы утеплить окопы, забирали алкоголь. При этом грабежом бытовой техники солдаты не занимались, настаивает он, только старшие офицеры.

Рядовые могли взять разве что наручные часы или перчатки: «У нас это мародерством и не считалось. Понимаю, что мародерство все равно, но не те масштабы. Там еще и восприятие жизни меняется. Каждый не исключает, что умрет завтра, зато руки сегодня в тепле, перчатки хорошие нашел».

По подсчетам «Медиазоны», в Улан-Удэ[6] из приграничных городов российские военные за первые три месяца войны отправили почти две тонны посылок через СДЭК и не менее 800 кг «Почтой России».

Дамбиев вспоминает, что довольно скоро после начала вторжения между солдатами начались разговоры, что они устали и хотят домой. И когда в конце марта российские войска отвели от Киева и Чернигова, а бригада Дамбиева вернулась в Беларусь, многие решили подать рапорты об отказе от дальнейшего участия в боевых действиях.

«Очень много людей писали, у меня такое ощущение, что полбригады», — рассказывает он.

Он вспоминает, как несколько человек из числа отказавшихся вывели перед строем всей бригады, это около тысячи человек. На солдат показательно надели наручники и посадили в машину военной полиции. По словам Дамбиева, позже он узнал, что за этим ничего не последовало: в итоге эти люди оказались дома.

Тем не менее после подобной акции устрашения и постоянных угроз, что отказникам грозят уголовные дела, многие военные решили забрать свои рапорты, говорит Дамбиев. Через некоторое время всю бригаду отправили в Белгородскую область, откуда она «заходила на Харьков».

В середине апреля около сорока отказников из Бурятии, Забайкальского края и Хабаровской области, среди которых был и Батор Дамбиев, улетели из

белорусского Мозыря по домам. Несмотря на то, что командир подразделения предлагал ему остаться на службе, контрактник Дамбиев решил уволиться.

«Когда мы заходили ночью [в Украину], я тоже так представил, что это как 22 июня в четыре утра, — признается он. — Если служить — да, обороняться, защищать родину военный должен. А тут — лезть куда-то в чужую страну, что-то им указывать... В общем, я не хотел быть оккупантом».

По словам Батора, на его решение повлияла и смерть пятилетнего мальчика из семьи, которую он встретил в селе под Киевом: мальчик умер, потому что родители просто не могли вызвать ему врачей. Солдат не знает от чего, но предполагает водянку, потому что видел у мальчика сильно раздувшийся живот.

«Вот это меня тронуло, получается, что из-за нас же умер, — говорит он. — Мы туда пришли, если нас не было, она вызвала скорую, его увезли бы в больницу».

Иллюстрация: Ника Кузнецова / Медиазона

Июнь. Угрозы и первые заключенные в лагере для отказников

Другой солдат из Бурятии, танкист Тумэн Хоцаев-[7], после вывода его части из Киевской области в

Беларусь в апреле не стал отказываться от службы —

сказал уговаривавшим его родным, что пока не может сделать этого, вспоминает сестра военного Алтана[8].

Семья Тумэна с самого начала была против его участия в войне, говорит Хоцаева: «Я помню даже, мы, когда все началось, думали о пикетах. Потом видели, что эти одиночные пикеты все арестовываются, наказываются штрафами. Посты в социальных сетях — нельзя, говорить против — вообще нельзя. Народ запугали максимально. В части на вопросы, когда наши приедут, кормили только обещаниями, что скоро».

Когда в апреле подразделение вновь зашло на территорию Украины, от Тумэна, по словам сестры, несколько недель не было никаких вестей. Как раз тогда в Бурятию стали привозить тела его убитых сослуживцев, и обеспокоенные родственники обратились в фонд «Свободная Бурятия». Его основали этнические буряты из разных стран, после начала российского вторжения они выступили против войны и призвали земляков не участвовать в ней, а позже создали организацию, которая помогает военным, решившим уволиться со службы.

«Одним из наших центровых месседжей было то, что официально идет война за некий "русский мир", — говорит глава фонда Александра Гармажапова. — И не очень понятно, какое отношение к "русскому миру" имеют, например, буряты. И нам кажется издевательством аргумент о денацификации Украины, учитывая, что мы — как буряты, так и другие национальные меньшинства — сталкивались с ксенофобией и расизмом в самой России».

В конце июня родственницы военных из Бурятии обратились к главе Бурятии Алексею Цыденову с просьбой[9] вернуть из Украины их родных — служащих 5-й танковой бригады. «Военнослужащие истощены морально и физически, — говорила на записи одна из женщин. — У всех ранения легкой или средней степени тяжести. Солдаты с января 2022 года по настоящее время находятся в полевых условиях. У многих простудные заболевания. Им требуется медицинское обследование ввиду продолжительного нахождения в тяжелых военных условиях».

В то время, говорила Гармажапова из «Свободной Бурятии», около 150 отказавшихся воевать контрактников из республики как раз готовились к отправке домой. Но после публикации видеообращения их развернули, и военные попали в «закрытый лагерь в Луганской области, где им угрожали уголовными делами». Где именно был этот лагерь, она не знает.

«Ребята с ФСБ среагировали очень оперативно, — рассказывает Алтана Хоцаева. — Нашли всех [родственниц военных] с видео, провели беседу разъяснительную, дали понять, что у них проблем как бы не будет, а проблемы будут у тех, кто сейчас на войне».

В таком лагере для отказников, по ее словам, оказался и Тумэн. Как он потом рассказывал родственникам, солдат из Бурятии обманом пытались вернуть на передовую: погрузили в машины и повезли в сторону фронта.

«Ребята сообразили, спрыгнули и пошли пешком в сторону лагеря, там предоставили рапорта об увольнении, которые никто не захотел подписывать», — пересказывает слова брата Алтана.

По совету юриста «Свободной Бурятии» Андрея Ринчино она рассказала брату, что в таком случае он может сдать оружие[10] и в течение десяти дней самостоятельно добраться до места постоянной дислокации и подать рапорт там. Но оказалось, что у военных нет при себе даже документов, их забрали перед вторжением.

В лагере военных продержали около двух недель. Где он находился, Хоцаева не знает. Известно, что часть отказников держат в поселке Брянка в ЛНР, он не раз упоминался как населенный пункт, где располагаются неформальные тюрьмы. Украинская правозащитная коалиция «Справедливость ради мира на Донбассе» называла местом незаконного лишения свободы бывшую базу отдыха «Марьин утес», где удерживались как гражданские, так и военнопленные. Российские солдаты неоднократно жаловались на условия содержания в лагере.

За солдатами несколько раз обещали прислать самолет, продолжает сестра танкиста, но вылет постоянно откладывался. В начале июля их под предлогом отправки домой вновь пытались перебросить в зону боев, но солдаты взбунтовались и снова сбежали из машин. Позже, говорит Хоцаева, их допросила военная прокуратура, и 9 июля эти полторы сотни отказников все же смогли вернуться домой. Из армии Тумэн тоже решил уволиться. О своем участии в войне, говорит сестра, он вспоминать

и рассказывать не хочет. Говорить с «Медиазоной» Хоцаев не стал.

«Я помню, в Бурятии трубили во все голоса, что тут очередь из желающих добровольцев. Ну что за бред несут наши СМИ? — возмущается Алтана. — Какие добровольцы, никто не хочет туда ехать! В этой войне государство в лице Путина и нашего недоглавы Цыденова показало истинное лицо, показало, насколько ему наплевать на простых граждан. То, что происходит сейчас — это гибнут невинные люди с двух сторон. Очень много жертв, очень много лжи. И количество молодых ребят, которые вернулись в цинковых гробах, с каждым днем растет».

Солдаты из Бурятии гибнут в Украине уже восемь лет

Бурятия занимает второе после Дагестана место по числу погибших во время войны, следует из подсчетов, которые ведут по открытым источникам журналисты «Медиазоны» вместе с русской службой «Би-би-си» и группой волонтеров. К концу июля нам известны имена уже 223 погибших из Бурятии. Минобороны никакой информации о потерях не публикует.

В середине июля в Тункинском районе Бурятии на пять дней объявили траур по погибшему в Украине Цырен-Доржа Дарбалаеве, а в начале месяца похоронили Данила Дмитриева и Сергея Очирова, которые попали в плен в самом начале войны.

На видео, которое записали тогда украинские военные, Очиров говорил, что он тыловик и вез ракеты. 1 марта его мать Ирина вышла в Улан-Удэ на пикет с плакатом «Нет войне». «Я мать Сережи Очирова, которого вчера показывали. Я не хочу, чтобы была война», — говорила она журналистам. Два месяца женщина пыталась выяснить судьбу сына, ходила к главе Бурятии и омбудсмену республики, обращалась в Минобороны. В мае она узнала о смерти сына.

Среди погибших военных, по подсчетам фонда «Свободная Бурятия», только 117 этнических бурят: 84 человека непосредственно из Бурятии, 30 из Забайкальского края и трое из Иркутской области (всего к концу июля «Медиазоне» известны имена 414 погибших из трех этих областей). «Самые большие потери буряты несли в первые 20 дней войны.
То есть их кинули первыми, и их в принципе было не жалко, — считает Гармажапова. — И, собственно, украинцы опять увидели первыми бурят, продолжилось форсирование мема про "боевых бурят Путина"».

Мем о «боевых бурятах» появился еще в начале боевых действий в Донбассе в 2014–2015 годах. Россия тогда в принципе отрицала, что в Украине воюют не только местные ополченцы, но и регулярная российская армия. В марте 2015-го журналистка «Новой газеты» Елена Костюченко взяла интервью у обгоревшего в бою 20-летнего солдата 5-й отдельной танковой бригады Доржи Батомункуева, который признал, что армия России там находится, и рассказал подробности о своем участии в войне.

После этого в украинских медиа постоянно встречались новости в таком духе: «В Иловайск прибыли 600 боевых бурятов». Летом 2015-го активисты прокремлевского проекта «Сеть» выпустили снятое в Иркутске обращение[11] «боевых бурят Путина к перепуганным жителям Украины». Организатор съемки назвал видео ответом на мем и сетовал, что в самой Бурятии к ролику почему-то отнеслись плохо. После начала российского вторжения 24 февраля в украинских пабликах и СМИ снова заговорили о «боевых бурятах».

«В какой-то момент мы заметили, что в Украине всех фактически неславян называют бурятами, то есть и калмыков, и якутов, и тувинцев, и алтайцев, и хакасов», — говорит Гармажапова. Она напоминает, что буряты не формируют отдельных национальных подразделений. По данным 2018 года-[12] фонд подсчитал, что в трех военных частях[13] из Бурятии, которые «были более всего задействованы» в нынешней войне, доля этнических бурят составляет от 22 до 43%.

«Мы фактически несколько месяцев ходили из эфира в эфир [украинских СМИ], объясняя, почему нельзя всех бурят мазать одной краской, почему это несправедливо. И они по-другому стали реагировать. Тем более среди бурятских военнослужащих — не этнических бурят, а солдат из Бурятии — стало много отказов», — говорит она.

По словам Гармажаповой, всего с начала войны «через фонд прошло около 500 человек», которые «не хотели

воевать и не понимали, что они делают в Украине». К августу число отказников, может, и не снизилось, но вернуться домой они уже не могут. Информации, что кто-то из контрактников смог отказаться воевать и успешно покинул Украину, не было уже почти месяц.

Иллюстрация: Ника Кузнецова / Медиазона

Июль и август. Подвал в ЛНР под охраной «ЧВК Вагнера»

«Есть сомнения для чего, зачем, почему. Много вопросов», — признается Лубсан Тугулов из 11-й отдельной гвардейской десантно-штурмовой бригады, размышляя о причинах войны с Украиной. Но потом одергивает сам себя: «Нам сказали то, что воюем против нацизма. Чтобы нацизм у нас в России не развивался. Все, вот одна цель спецоперации — истребление нацизма». К нацистам он относит бойцов «Азова», а ВСУ считает обычными солдатами, которые «просто боятся нацизма и идут против нас».

О проблемах военнослужащих 11-й бригады, которых за отказ от участия в войне теперь отправляют под стражу в Луганск, стало известно в середине июля, после того как в фонд «Свободная Бурятия» обратилась мать 20-летнего ефрейтора Ильи Каминского. Ее сын пытается вернуться из Украины с весны.

«Медиазона» связалась с Каминским, во время разговора он был в Херсонской области. По словам десантника, в апреле у него родилась дочь, и тогда он в первый раз написал рапорт об отпуске. Командование отказалось его подписывать, потому что уже многие уехали в отпуск по семейным обстоятельствам, но на войну так и не вернулись. Тогда он решил написать рапорт об отказе от участия в боевых действиях. С тех пор Каминский, по его словам, подал около 25 таких обращений. Ни одно из них не приняли.

Как рассказывает жена Каминского Диана, в командировку в Крым он уехал в конце января, через месяц после свадьбы. «Он говорил: "Буквально месяц, не переживай, я успею приехать перед твоими родами". И 22 февраля вечером он мне написал: "У нас забирают телефоны, буквально три-четыре дня, не теряй меня". И вот эта тишина продлилась месяц, даже больше, — рассказывает Диана. — Если бы я знала, если бы он знал, он бы вряд ли поехал».

По ее словам, поначалу у мужа было боевое настроение, но за пять месяцев боев он выдохся, а его штурмовая часть понесла большие потери: «Ему тяжело, он как-то скидывал мне своих друзей, которые погибли, которых я знала».

«Мы все написали рапорта [об отказе от участия в боевых действиях], командование отреагировало негативно, — рассказывали сослуживцы Каминского на записи, переданной "Медиазоне" фондом "Свободная Бурятия". — Угрожали на рапорта, говорили, что в ППД[14] никто не попадет,

приезжал начальник военно-следственного отдела по Днепропетровской и Херсонской области. Говорили,

что создали штурм-отряд под Луганском, и после СИЗО-1 отправляют всех туда».

Помимо Ильи Каминского, свои имена назвали еще несколько десантников: Алдар Дылыков, Владимир Мальков, Андрей Мартынов, Сергей Арсенов, Виктор Дурных и Николай Васильев — все они проходили службу в военной части № 32364[15] в Бурятии.

Избежать заключения, пересказывал Каминский «Медиазоне» слова командира, возможно, если отказаться от возвращения домой: «Можно подойти, тебя вычеркивают из отказников и отправляют на фронт обратно». По словам десантника, из 78 человек, которые изначально подали рапорты, около сорока таким образом «переубедили».

Стойких отказников же перевезли из прифронтовой зоны в город Новая Каховка в Херсонской области, откуда небольшими группами отправляли сначала в комендатуру в Каховке, а после допросов — на территорию самопровозглашенной ЛНР, рассказал «Медиазоне» сослуживец Каминского Лубсан Тугулов. Сам он тогда тоже был в числе отказников.

«Нам сказали, типа, вот ваши ребята сейчас сидят в комендатуре, в подвале, туда-сюда, если не верите, то можем одного добровольца взять, — рассказывает он. — [Один солдат] съездил, сказал, что меня не пустили с ним поговорить, но он увидел то, что они в этом подвале сидят как вэсэушники, которые в плену у нас есть. То есть обращение даже, ну, грубо говоря, похуже».

Вскоре «Настоящее время» опубликовало запись разговора заместителя командира II-й десантно-штурмовой бригады по военно-политической работе подполковника Агафонова с отказывающимися воевать солдатами. Агафонов предлагает им в качестве компромисса «облегченные варианты службы»: охрану артиллеристов или командных пунктов. Упорствующим он вновь грозит заключением в Луганске.

Разговор подполковника Агафонова с десантниками из Бурятии

Аудиозапись этого разговора, происходившего, видимо, под Новой Каховкой, есть в распоряжении «Медиазоны». Сначала на ней подполковник расспрашивает о каком-то солдате, который, вероятно, куда-то подевался: «Вещи есть, а его нет, да?». И продолжает:

«Я смотрю у вас, блядь, этот, атрофирование вообще происходит, блядь. Я вот, нахуй, еще ни одному солдату, блядь, ни одному офицеру, блядь, не соврал ни разу. Я еще раз вам повторяю, нахуй, солдатское радио свое можете не распускать, блядь. Вас не засунут и не наебут, нахуй, не отправят на передок, еще раз повторяю. Как должностное лицо, блядь. А то вы тут пускаете всякую хуйню, как проститутки. "Блядь, нас щас наебут, нас щас на передок отправят, нас поэтому здесь держат". **(Передразнивает.)**

Нихуя. Вы здесь, пока, блядь, восемь человек, блядь, не убудут в Луганск. Следующие туда заедут. Сейчас я еду в 18 часов в комендатуру. Вот эти

восемь человек уже, блядь, очень сильно хотят в строй, но они хуй угадали. Очень сильно хотят в строй, блядь, целый день названивают: комендант, блядь. Они уже готовы, нахуй, на мотоцикле, блядь, с пулеметом, блядь, на Давыдов Брод[16] залетать.

Я не знаю, что там с ними сделали и что там рассказали по этому Луганску, блядь. Как они им, блядь, статью эту описали о невыполнении приказа, блядь, и так далее и тому подобное. У них шансов нет, блядь. Как бы они у меня сейчас ни просились, блядь, нахуй, куда там, в тыловые, не тыловые. Все, блядь, я устал уже, блядь, разговаривать, беседовать, честь вашу защищать, блядь, и так далее. Эти люди однозначно, блядь, пока не уедут в Луганск, в строй хуй встанут. У вас еще есть шанс, блядь. Готов одного из вас сейчас с собой, блядь, в этот, блядь, взять в комендатуру, блядь. Послушаем, блядь, что же там, блядь, им такое нарассказали, блядь, и что им там грозит, блядь, нахуй, что они все восемь, блядь, очень сильно захотели, блядь, обратно, блядь, сюда в строй».

После этого командир просит всех присутствующих встать, насчитывает семь человек. Выясняется, что нет троих. Об одном он говорит, что тот «съебался», его отловила военная полиция и отправила в комендатуру, а другой уехал с медиками.

«Мне лично уже надоело, блядь, уговаривать и так далее. <йрзбў прибыл, спрашивает: "Сколько осталось?". Осталось 23 человека, блядь. Всех уже, блядь, кто хотел, блядь, и так далее, забили, блядь, во все места: охрана <йрзбў, охрана командного пункта, блядь, охрана артиллеристов. Спокойно, все. Нет, никто не хочет. В ПДБ ушли люди. Командир бригады говорит: "Спроси, кто

хочет, блядь, охранять второй расчет, блядь, нахуй, артиллеристов". Есть такие желающие? Трое суток на задачи, шесть суток, блядь, нахуй, в пятихатке, блядь. Уже донельзя упрощают вам все. Ребят, я предупреждаю, блядь, это крайнее предложение. Сразу вам говорю. Дальше. Кто готов выехать в комендатуру? Посмотреть, блядь, пообщаться, блядь, с ребятами, которые уже двое суток там сидят, блядь. Что, желающих нет? Чтобы, блядь, опять вы не обвиняли командование, блядь, в лжи там, блядь, и так далее.
Поедешь со мной? **(Обращается к кому-то.)**
Все, сейчас в шесть часов с тобой выезжаем.
Пообщаешься, потом передашь, блядь, все, что с ними переговорил, понятно? Если среди вас того, предложение которое командир бригады подал, нету, блядь, желающих, блядь, на охрану, блядь, артиллеристов, я в принципе вас не задерживаю.
У вас время есть до 18 часов, после 18 часов я никакие, блядь, заявки не принимаю. Все, блядь, по полной. Как я сказал, первая партия убывает, нахуй, в Луганск, потом будет следующая».

Илья Каминский, до того как примерно 18 июля его самого тоже отправили в ЛНР и связь с ним пропала, рассказывал «Медиазоне», что на них давят и угрожают уголовным делом и военное следствие, и все командование бригады. «Кто только ни приезжал, кто только с нами ни разговаривал, — объяснял он. — Они даже сюда отца Евгения привезли, он [спрашивал]: "Кто крещеный, кто в бога верит?". Попытки были разные».

Его жена Диана больше всего боится, что теперь ее мужа снова вернут на фронт: «Я бы лучше согласилась

на уголовное расследование, нежели неизвестно где и за что воевать, именно неизвестно за что. И неизвестно, все ли будет хорошо».

Сам Каминский в одном из последних сообщений «Медиазоне» тоже говорил, что лучше пусть будет уголовное дело: «Вообще никто не верит вышестоящему начальству. Я и товарищи, кто отказался, не готовы с этим вышестоящим начальством идти дальше и выполнять какие-то поставленные задачи. Тем более такое отношение, скажем так, нечеловеческое: пытаются навязать, что мы все рабы, что мы обязаны. То есть мы никто, а они все, они боги. Нет, мы тоже люди, у нас тоже семья, мы тоже скучаем. Мы не киборги, нам тоже надо отдыхать».

23 июля сослуживец Каминского Лубсан Тугулов рассказывал, что оставшиеся отказники в тот момент дожидались своей участи в лесу около Новой Каховки. Их не охраняли, все равно без документов они не смогли бы пересечь границу.

«Нас отправили в село Райское [недалеко от Новой Каховки], — говорил контрактник. — Там начали размещаться, и туда прилетел "Химарс", склад боеприпасов взорвался. Наши все вещи сгорели. Начальству не до нас. И, грубо говоря, про нас все забыли, что мы есть, мы живы, здоровы, даже не заботятся о том, что мы кушали, не кушали, что делаем».

После этого разговора на связь Лубсан не выходил около недели. 4 августа он все же рассказал «Медиазоне», что его и оставшуюся группу

сослуживцев в итоге в ЛНР не повезли: под давлением все они отозвали свои рапорты. Кто-то вернулся на передовую, кто-то, как сам Лубсан, остался в тылу возле Новой Каховки, они помогают отгружать боеприпасы и охраняют склады (как раз это им предлагал подполковник Агафонов). Среди таких передумавших отказников, по его словам, военные из разных регионов.

Такое решение они приняли после того, как из Луганска вернулись несколько их сослуживцев, которые тоже согласились продолжить службу, и рассказали об условиях в колонии, где отказников сторожат бойцы «ЧВК Вагнера».

«Первая группа вернулась, получается, они отказались там быть, — рассказывает Тугулов. — Я с ними побеседовал, и они сказали, что там условия плохие, то, что никуда не выпустят, ни в Россию, никуда. Они сказали, что были в Луганске, в СИЗО, где охраняет "ЧВК Вагнер". Когда они туда приехали, сразу их посадили в подвал, и там все началось. Кормили раз в день. Условия были, грубо говоря, жесточайшими, ну, жестокие условия были. Обращались как с пленными. То бишь заставляли работать. Если не работали, то избивали».

Сколько точно человек вернулись из заключения под Луганском и где именно их держали, он не знает. Возможно, все в том же поселке Брянка, где организовали «лагерь для отказников», но, судя по известным «Медиазоне» рассказам других военных, держат их и в других населенных пунктах. Такие места военные называют «ямами».

Пересказывая слова знакомого, Лубсан говорит, что отказникам угрожали составить из них специальные отряды, «которые, как пушечное мясо, будут штурмовать» военные объекты, или запихнуть в полк, «который состоит из зеков».

«Я слышал то, что там сильно на психику человека давят. И морально, и физически», — говорит он.

Чтобы избежать подобной участи, часть солдат согласилась вернуться на передовую, но в свои подразделения или же работать, как Лубсан, в тылу. Он предполагает, что каждый сам выбирал, продолжить ли воевать или остаться охранять склады. Сам Тугулов все еще надеется попасть домой, но их предупредили, что отпустить туда могут только по болезни, при серьезном ранении или в отпуск. Когда именно ему будет положен отпуск и он сможет вернуться на родину, десантник не знает.

«Ждем, когда РСЗО "Хаймарс" прилетит по нам», — заключает он.

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Имя изменено по просьбе военного. Мы также не называем его возраст и звание, но редакции они известны.
2. Военнослужащий говорит, что в его батальоне было 300–350 человек.
3. Тугуев говорил о 72, другой пообщавшийся с «Медиазоной» контрактник, Илья Каминский, насчитал 78 отказников.
4. Имя и возраст изменены по просьбе героя. Они известны редакции.
5. Полное название: 5-я отдельная гвардейская танковая Тацинская Краснознаменная, ордена Суворова бригада. Входит в состав 36-й общевойсковой армии Восточного военного округа, дислоцируется в

Улан-Удэ. Дамбиев попросил не называть конкретное подразделение, в котором он служил.

6. В другой бурятский город, Кяхту, где дислоцирована 37-я отдельная гвардейская мотострелковая бригада, через СДЭК отправили 232 кг подозрительных посылок.

7. Имя изменено.

8. Имя изменено.

9. Видео было опубликовано в инстаграме пользователем vera_partilkhaeva, сейчас этот аккаунт удален.

10. Такие рекомендации дает проект «Школа призывника». По словам правозащитника Алексея Табалова, они опираются «на сложившуюся практику и разъяснения Верховного суда по уголовным делам в отношении военнослужащих».

11. В ютубе оригинального ролика не сохранилось, только копия в российском сервисе Rutube.

12. Фонд опирается на поименный список военнослужащих Восточного военного округа 2018 года, который опубликовал в начале марта Центр оборонных стратегий Украины. Подсчет велся по типичным для бурят фамилиям, именам и отчествам.

13. 5-я отдельная гвардейская танковая бригада, 37-я отдельная гвардейская мотострелковая бригада, 11-я отдельная гвардейская десантно-штурмовая бригада.

14. Пункт постоянной дислокации. 11-я отдельная гвардейская десантно-штурмовая бригада дислоцирована в Улан-Удэ.

15. Это все та же 11-я отдельная гвардейская десантно-штурмовая бригада.

16. Вероятно, имеется в виду село на границе Херсонской и Николаевской областей, за которое велись ожесточенные бои между армией России и Украины.